

СЕМАНТИКА ВЫРОЖДЕНИЯ В ТЕЛЕСНОСТИ ГЕРОЕВ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА

Таянчина А.В.,

научный руководитель д-р филол. наук Анисимов К.В.

Сибирский федеральный университет

В начале нашего столетия по-прежнему велик интерес к творчеству И. А. Бунина, как в России, так и на Западе. Причину этого следует видеть не только в вечной загадке бунинского таланта, но и в непреходящей современности произведений русского писателя, в актуальности его философских воззрений. Значительное количество работ, посвященных анализу бунинского творчества, касаются различных аспектов самосознания художника: восточной проблематики его произведений, характера творческих взаимосвязей писателя, культурно-философской базы и мировоззренческих установок художника. Однако следует отметить, И. А. Бунин был открыт для русского читателя сравнительно недавно, поэтому ряд важнейших проблем самосознания художника оказывается не в полной мере освященным в исследованиях. Сложная эпоха, в рамках которой творил Бунин, наложила отпечаток на художественное осмысление писателем основной проблемы литературы – феномена человека. На фоне слома культурных парадигм проблема самоидентификации личности становится особенно актуальной. Когда перед человеком открывается новая перспектива культуры, требуется вписать уже нового человека в ее пространство. Начало XX века с его исканиями во всех областях жизни требовала коренного пересмотра традиционного представления о личности. Функционирование человека в классической культуре 19 века мыслится в пределах традиционной семиотической системы. С этим связано понимание человека как определенного социального типа. Как правило, все внешние детали детерминируются социальной средой, особенностями характера. Для Бунина проблема телесности оказывается особенно актуальной в связи с особым пониманием человека.

Для антропологии Бунина очень важной была категория родовитости. В воспоминаниях, дневниковых записях Бунин постоянно акцентировал внимание на своей богатой родословной, гордился своими предками. Биологическая сущность человека воспринималась Буниным в неразрывном единстве с духовной. В «Воспоминаниях» Бунин неоднократно отмечает породистость Л. Н. Толстого. Для Бунина не актуально разделение духа и плоти. Исследователь К. В. Анисимов отмечает, что «Бунин анализирует определенный антропологический тип» [Анисимов, 2011. С. 159], поэтому основным способом дискредитации писателя в «Воспоминаниях» служит именно указание на его физическую неполноценность.

Однако биологическая породистость нередко совмещается с вырожденностью. Так образы стариков-долгожителей часто отмечены чертами первобытного человека. Эти образы можно охарактеризовать как образы атавистического типа. Атавизм репрезентируется в основном в телесной характеристике героя. Героев с признаками вырождения можно разделить на три класса:

- 1) Долголетние старики, первобытные черты роднят таких героев с мудростью предков. Атавизм дан в нейтральном аспекте, не влияющем на поведение героем. Можно сказать, что это вырождение в смысле некоторого превосходства, переизбытка. Такой герой появляется в повести «Деревня». Иванушка из Басова, который повадился ходить к Кузьме, охарактеризован так: «Это был старозаветный мужик, ошалевший от долголетия, некогда славившийся медвежьей силой, коренастый, согнутый в дугу, никогда не подымавший лохматой бурой головы, ходивший носками внутрь» [Бунин, Т. 3. С.89]. В данном фрагменте привлекают внимание, прежде всего, семантические показатели, роднящие героя с анималистическим миром. Герой наделяется «медвежьей силой», даже голова его

уподоблена «лохматой бурой голове» медведя. Данные параметры способствуют возникновению двойственного ощущения: человек ли Иванушка или года сделали из него медведя с человеческим лицом. Далее автор дает описание телесности Иванушки уже после его смерти. Показательно, что Кузьма пребывает в страхе от увиденного мертвого Иванушки: «Руки его, сложенные и заочневшие под огромной грудью на чистой посконной рубахе, уродованные мозолистыми наростами в течение целых восьмидесяти лет *первобытно-тяжкой работы*, были так грубы и страшны, что Кузьма поспешил отвернуться. А на волосы, на *мертвое звериное лицо* Иванушки он даже и покоситься не мог» [Бунин, Т. 3. С. 91]. Здесь Бунин опять же делает акцент именно на звериных чертах Ивана. Подобным образом охарактеризован главный герой одноименного рассказа Таганок. Этот древний человек вызывает очень противоречивые чувства у учителя Иваницкого, который пришел повидать старика. Такие эмоции вызывает у Иваницкого разговор с Таганком: «Мысли, воспоминания Таганка так поразительно просты, так несложны, что порою теряешься; человек ли перед тобою? Он разумный, милый, добрый. Следовало бы с благодарностью поцеловать его руку за то, что явил он нам, воплотив в себе редкое благословение неба. Но – человек ли он?». Здесь мы наблюдаем, прямое указание на амбивалентную сущность Таганка. Герой теряется в сомнениях: человек перед ним или нет.

- 2) Носителями признака вырождения выступают также герои, которые ведут аморальный образ жизни. В данном случае имеет место вырождение и духовное и телесное. Атавистический признак чаще всего воспринимается героем как некое превосходство (причем и телесное и духовное над другими людьми). Таков герой рассказа «Захар Воробьев». Уже с первых строк рассказа дается информация о признаках выделенности Захара за счет вырождения: «Он был рыжевато-рус, борода и настолько выше, крупнее обыкновенных людей, что его можно было показывать. Он и сам чувствовал себя принадлежащим *к какой-то иной породе*, чем прочие люди, и отчасти так, как взрослый среди детей, держаться с которыми приходится, однако, на равной ноге. Всю жизнь, – ему было сорок лет, – не покидало его и другое чувство – смутное чувство одиночества» [Бунин, Т. 3. С.297]. Характеристики этого героя подчеркивают грань, которая отделяет Захара от обычных людей. Аккумулируются признаки с семантикой чуждости этому миру, иной породы, отсутствия изменений внешности героя во времени. В повести «Суходол» убийца Гервасий несет отпечатки вырождения в своей телесности: «Дедушка видел, что у этого великана чересчур мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылок у него острый и что особенно много волос именно на затылке, - крупных, черных, грубо подрубленных и образующих выступ над тонкой шеей» [Бунин, Т. 3. С.132]. Показательно, что Бунин в более поздних рассказах развивает концепцию вырождения. Итоговым произведением в русле формирования данной концепции является рассказ «Петлистые уши», где герой позиционирует себя через вырождение. Петлистые уши становятся для него особой меткой, элементом саморепрезентации («У вырожденков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, вот на ту самую, которой и давят их» [Бунин, Т. 4. С.123].), позволяющей ему соотносить себя с определенной привилегированной кастой.

3) Юродивые очень тесно связаны с тематикой вырождения, поэтому в телесных образах семантика вырождения представлена очень ярко. Так в рассказе «Хорошая жизнь» герой характеризуется так: «Голова у него была большая, на отцову похожа, виски грубые, рыжие, как шерсть собачья, лицо широкое, старое. Голос сильный, пронзительный. Бывало, как подымет, подымет: "Я монах, красив собою!.." Эту песню часто певал. А мой и хорош, да в праздник того не съест, не сопьет, что ты в будни, походя. А нехороший, конопатый, зеленоглазый - избави

бог. Лицо широкое, а худощавый, как кость» [Бунин, Т. 3. С. 205]. В рассказе «Я все молчу» юродивые объединяются в общность, которая неразрывно связано с первоначальным, первобытным: «Все эти люди, двигая бровями над своими темными очами, наитием, инстинктом, острым, точным, как у каких-нибудь первичных особей, мгновенно чувствуют, угадывают приближение дающей руки и уже немало нахватили огрызков хлеба, баранок и зеленых от махорки мужицких медяков» [Бунин, Т. 3. С.473].

- 4) Семантика вырождения репрезентируется также в образах героев восточного цикла рассказов Бунина. В данном контексте вырождение трактуется Буниным как проявление первобытной сущности человека, в частности, телесной. Один ряд становятся, таким образом, с первого взгляда несопоставимые категории – вырождение – первобытность – простота – память. Вырождение здесь приобретает позитивную коннотацию. В восточных людях Бунин видит, прежде всего, тот «древний люд», который не утратил еще связи с прошлым. Тут появляется излюбленный Буниным мотив поиска утраченного рая. На Востоке, путешествуя по легендарным местам Адама и Евы, Бунин во всем чувствует прикосновение ветхозаветной истины. Интересны так же экзотические образы, которые репрезентируют явную телесную противопоставленность европейского человека и человека негроидной расы. Так, в рассказе «Дельта» появляются несколько таких образов, которые маркированы семантикой вырождения: «Сидели два негра из Судана. Их черные скуластые лица и черные палки ног в огромных пыльных туфлях казались еще чернее и страшнее от белых кидар; сверх рубашек на них были короткие халаты цвета полосатых гиен. С раздувающимися ноздрями раздавленных носов, с блестящими глазами, с нагло вывороченными губами негры радостно и удивленно осматривали проходящих женщин. <...> как древен этот смуглый люд». В этом же рассказе появляется образ феллаха, который маркирован явной зоологичностью: «И опять против меня - копт и феллах. Копт - толстый, в черном халате, в черной туго завернутой чалме, с темно-оливковым круглым лицом, карими глазами и раздувающимися ноздрями. Феллах - в белой чалме и грубом балахоне, расстегнутом на груди. *Это совершенный бык, по своему нечеловеческому сложению, с бронзовой шеей изумительной мощи.* И сидит он так, как и подобает ему, прямому потомку древнего египетского человека: прямо, нечеловечески спокойно, с поднятыми плечами, ровно положивши ладони на колени...». В данном случае, через семантику вырожденности, т. е. соотнесенности с животным, репрезентируется возвращение к культурным истокам. В образе быка, кроме этого, интегрируются мифопоэтические смыслы, связанные с насыщенной египетской мифологией. Человечество, по мысли Бунина, пошло по ложному пути, пришло к механизму мышления, автоматической жизни. Именно поэтому в образах людей древних цивилизаций Бунина привлекает их телесная выделенность, безыскусственность, граничащая с вырожденностью.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантика вырожденности через ее телесную репрезентацию обрывает в бунинском творчестве множеством смыслов. Она многозначно репрезентирует в героях те или иные ценностные установки (у героев, ведущих аморальный образ жизни), указывает на древнюю первобытную основу человеческого бытия и акцентирует в образах юродивых их принадлежность к иному жизненному пространству.